

ПРАГМАТИКА КОНЦЕПТА «ВОРОВСТВО» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Г. М. Шипицына

Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет

e-mail:
Shipitsina@bsu.edu.ru

В статье анализируются слова и устойчивые выражения русского языка, вербализующие концепт «воровство». Определяются прагматические смыслы, сохранившиеся в генетической памяти народа и отразившиеся в значениях языковых единиц. Языковой материал, исследованный в данном аспекте, свидетельствует, что категоричного осуждения воровства в сознании российского народа исторически не сложилось, потому и в языковой картине мира прагматика концепта «воровство» выражена противоречиво.

Ключевые слова: концепт «воровство», семантика, прагматические смыслы, слово «вор», пословицы, контекст, генетическая память народа.

Данная статья посвящена исследованию средств вербализации концепта «воровство» в русской общенародной концептосфере. В семантико-историческом аспекте проанализируем языковые средства, связанные с номинацией этого социального порока, чтобы определить прагматические смыслы, сохранившиеся в генетической памяти народа и отразившиеся в значениях и прагматике языковых единиц. Такие прагматические смыслы могут в какой-то степени пролить свет на народное восприятие этих пороков. Дело в том, что слова и устойчивые конструкции хранят в себе древнейшие истоки народного сознания, которые могут проявляться и через множество веков, ведь язык сохраняет культурные слои прежних эпох. Языковыми средствами номинируются концепты общенародной картины мира, которая остается относительно устойчивой, в то время как названия концептов могут исторически изменяться и обновляться, подчиняясь тем или иным собственно языковым процессам (например, архаизация одних слов и замена их другими словами).

Языковой материал, исследованный в данном аспекте, свидетельствует, что абсолютного и категоричного неприятия и осуждения воровства в сознании российского народа исторически не сложилось, потому и в языковой картине мира прагматика концепта «воровство» выражена противоречиво. В ней прекрасно отражены позиции различных социальных групп по отношению к этому явлению. Следует также отметить, что одна из причин такой ситуации заключается в особенностях законодательства, не предусматривавшего ранее и не имеющего также и в настоящее время эффективных законов и мер по борьбе с воровством. Анализ всей динамики законов этого рода не входит в задачи нашей статьи, которую мы стремимся ограничить филологическими проблемами. Тем не менее проиллюстрируем наш тезис статьей о воровстве из дошедшего до нас наиболее древнего свода русских законов. Это законы Древней Руси XI в. – «Русская правда».

Воровство тогда называлось словом *татба*, а вор словом *тать* (Яко *тать* в ноци – старославянская поговорка). За различные преступления, в том числе и за кражу, законы Древней Руси предусматривали в своем большинстве денежные штрафы в пользу князя. Законы также определяли размер штрафа за кражу определенного предмета или имущества, например, *Аще кто украдет бобр, то 12 гривен продажи (продажа – «штраф князю»)*. Закон о воровстве вообще, «о *татбе*», также устанавливает наказание вору за кражу в виде денежного штрафа в пользу князя. Пострадавшему вознаграждения не полагалось, об этом сказано так (не без юмора!): *а исцу свое лицем взятци, а что с ним погыбло, а того ему желети, а иному желети своих кун*, то есть истец мог найденное (наличествующее) имущество взять, а что уже погыбло из имущества, того *желети* («жалеть, оплакивать»), а разоблаченному вору предлагалось *желети* своих денег, которые он заплатит *мытникам* («сборщикам штрафов, податей, налогов в пользу князя»).

Несложно понять, что многие преступления, в том числе воровство, были абсолютно невыгодны только жертвам преступлений. Однако они были выгодны князю: штрафы пополняли его казну, потому чем больше воровства, тем больше денег у князя. В той или иной степени воровство выгодно еще и *мытникам*: во-первых, оно дает им престижную работу и власть над людьми; во-вторых, не исключена возможность что-то из собранного для князя утаить и

для себя лично. Так что из трех категорий участников деяния воровства и поимки вора по крайней мере двум категориям этих участников оно крайне желательно: чем больше воровства, тем больше случаев поимки вора и получения от него мзды. Ясно, что в такой ситуации о борьбе с воровством вообще говорить не приходится, и эта ситуация никак не сопоставима с аналогичными явлениями в других странах и культурах, где действовали очень жестокие законы и обычаи в борьбе с ворами. Кстати заметим, что степень гуманности в отношении воров (особенно в крупных размерах государственного масштаба) в современной России даже повысилась в сравнении с периодом XI века: вора́м дают возможность красть долго и много, устроить свои капиталы по родственникам или за рубежом, обустроить там свои семьи и быт, уехать за рубеж, а уж потом, и то далеко не во всех случаях, начинается определение масштабов украденного. Пострадавшей стороне, даже если это крупная компания или государство, остается лишь, как и в Руси XI в., *желети* украденного, поскольку конфискации имущества и возмещения убытков не предусматривается (да и *желети* фактически некому). Впрочем, эту сторону дела, как и промежуточные этапы и повороты в российском законодательстве, оставляем на осмысление юристам и переходим к лингвистическим аспектам проблемы.

Языковые средства вполне адекватно самой ситуации с российским воровством хранят в себе палеонтологические отложения прошлых эпох и генетическую память в ментальной оценке этого явления, что мы и рассмотрим на примере ядерных вербализаторов концептуального поля «воровство»: это само слово *вор*, со временем заменившее собою древнерусский термин *тать*, и устойчивые выражения на тему воровства.

Итак, корень слов *вор*, *воровать*, *воровство* в современном русском языке имеет одно значение: «тот, кто совершает кражи, то есть похищает что-либо, ему не принадлежащее» (МАС-2). Этот корень – восточно-славянский, образован от основы глагола *врати* в значении «говорить неправду, лгать, клеветать». У слова *вор* первичное значение «лгун, обманщик, мошенник» (Эссыя). Современное значение как полноценный лексико-семантический вариант у слова *вор* сформировалось только к XVII веку. Ранее слово *вор* имело не одно значение: основным его значением было «обманщик, мошенник, злодей». Пример из доноса 1547 г.: «*То, государь, мужикъ Власко воръ и руки подписываетъ*», то есть «Власко – мошенник и подписи подделывает» (СРЯ XI – XVII). У этого основного значения в «Словаре русского языка XI – XVII веков» зафиксировано употребление со смыслом «тот, кто совершает кражу, грабитель». Второе значение у слова *вор* было «враг, неприятель, смутьян, преступник» (*Тушинский воръ* – о самозванце Лжедмитрии II). Поэтому в контекстах слово *воръ* могло иметь значение «обманщик, смутьян, изменник». Воров также называли того, кто стремится захватить власть, организует смуту, бунт или участвует в подобных деяниях. Например: *И тотъ воръ Стенка [Разин] ... прибравъ къ себѣ такихъ же воровъ пришелъ воровски на Донъ* (СРЯ XI-XVII). Неслучайно А. С. Пушкин, следуя исторической правде, в драме «Борис Годунов» употребляет именно это слово во фразе Пленника, передающего слова русских о Лжедмитрии:

С а м о з в а н е ц: Ну! Обо мне как судят в вашем стане?

П л е н н и к: А говорят о милости твоей, Что ты, дескать (будь не во гневе), и вор, А молодец.

В этом же произведении есть еще такое употребление – в монологе персонажа по фамилии Пушкин, который говорит о небезопасной жизни при царе Борисе:

*Легко ль, скажи! Мы дома, как Литвой,
Осаждены неверными рабами;
Всѣ язвы, готовые продать,
Правительством подкупленные воры.
Зависим мы от первого холопа,
Которого захочем наказать.*

В повести «Капитанская дочка» тоже есть интересное употребление этого слова в значении «бунтовщик, злодей, изменник». Примеры: в ответе Пугачеву коменданта Белогорской крепости:

Пугачев грозно взглянул на старика и сказал ему: «Как ты смел противиться мне, своему государю?» Комендант, изнемогая от раны, собрал последние силы и отвечал твердым голосом: «Ты мне не государь, ты вор и самозванец, слышь ты!». Так же в ответе Пугачева Гриневу:

– А ты полагаешь идти на Москву?

Самозванец несколько задумался и сказал вполголоса: «Бог весть. Улица моя тесна; воли мне мало. Ребята мои умничают. Они воры. Мне должно держать ухо востро; при первой неудаче они свою шею выкупят моею головою».

В последнем примере слово *воры* обозначает «предатели, изменники, нечестные и продажные люди». Оно нагружено целым пучком эксплицитных негативных прагматических сем, однако все они выражают контекстную прагматику в восприятии действий *ребят* именно Пугачевым. Бесспорно, по отношению к нему *ребята* поступят плохо, неблагодарно, отвратительно. И эта оценка их действий совпадает с общепринятой моралью общества, коллектива, где провозглашаются иные нормы (*Сам погибай, а товарища выручай*). Но по отношению к самим *ребятам* прагматика контекста иная. Имплицитно она содержит семы позитива, представленные в синтагматике фразы: для *ребят* есть выход из смертельно опасной ситуации. *Они свою шею выкупят*, то есть всего лишь могут избежать виселицы, спасут свои жизни (хотя и не будут помилованы, они это понимают), причем, спасутся не самым гнусным способом из всех возможных, при этом еще совершат поступок, угодный не только власти, но и многим людям, страдающим от бунта.

Получается, что и в архаичном значении, и в современном корень *вор* обозначает негативное явление как социальное зло, но только в одном аспекте – зло, причиняемое вором некоторым другим людям или даже одному единственному человеку – жертве воровства. Для самого же вора эти поступки продиктованы желанием извлечь из воровства (как лжи, предательства, мошенничества) какую-либо пользу для себя лично, но не исключено, что в каждом конкретном случае могут существовать и другие люди, для которых этот факт воровства будет выгодным. Во всяком случае семы позитива со значением найденного выхода из затруднительного положения в компонентном составе семантики и прагматики слова *вор* очевидны, хотя они безусловно имплицитного и потенциального характера, да и проявляются далеко не во всяком контексте.

Истоки национальной ментальности проступают через семантические отложения разных эпох в наиболее архаичных языковых единицах языка, к которым относятся не столько слова, сколько разного рода народные афоризмы, устойчивые сочетания слов, особенно пословицы и поговорки (паремии). Паремия является ценнейшим объектом лингвокультурологического анализа, потому что в ней в наибольшей степени реализуется кумулятивная функция как культуры, так и языка.

В народных афоризмах концепт «воровство» представлен с гораздо большим разнообразием прагматических смыслов, чем в словах. Рассмотрев десятки самых разных афоризмов на эту тему в различных сборниках таких выражений, приходим к выводу о широком прагматическом поле их семантики и отсутствии однозначной и бескомпромиссно негативной оценки явления воровства. Получается, что паремии многолики и многофункциональны, поскольку они способны отражать и формировать не только общенародное, массовое, но и индивидуальное сознание, выражая тем самым мировоззрение как народа в целом, так и отдельной его социогруппы и даже индивида.

Официальная, создаваемая для общественного потребления, мораль осуждения воровства как преступного, крайне негативного явления, наряду с мошенничеством, казнокрадством и тому подобными социальными пороками, представлена группой паремий с доминантой *Всяко ремесло честно, кроме воровства*. В таких паремиях делается акцент на возможных неприятных последствиях воровства прежде всего для самого вора. Пословица предостерегает вора, дает советы:

Украсть - в беду попасть; Вор ворует до поры, до времени; На воре шапка горит; Воровское уйдет, а твое добро с собой уведет; Вора помиловать, доброго погубить; Лучшие суму носить («попрошайничать»), нежели красть.

В данных пословицах речь идет не столько о моральных принципах социума, сколько о конкретной модели поведения, которая позволяет избежать неприятностей и приобрести наибольшую выгоду из благоразумного поведения отдельному человеку. Ментальный аспект значения в данных пословицах характеризуется стремлением найти компромисс между собственным и общественным благом. Происходит сближение принципов «жить по совести» и «жить по закону», но в то же время в них просматривается и третий принцип – принцип приспособления отдельного человека к этим законам и принципам для обеспечения своего благополучия. Наблюдается своеобразное социальное моделирование, реализуемое в прагматическом аспекте значения паремий. Пословица обобщает накопленный народом опыт и представляет его в нравоучительной форме: *Они воруют, да они же и горюют, а мы с тобой все живем; Не ворово, да здорово; Без труда нет добра; Трудовая денежка плотно лежит, чужая ребром торчит; На чужой каравай рот не разевай, а пораньше вставай, да свой наживай*. Прагматическим аспектом значения в этих пословицах провозглашается своеобразная модель соци-

ально правильного и желательного для общества поведения людей как важная составляющая общенародной картины мира.

Что же касается выражения индивидуальных жизненных практик и выбора моральных ценностей отдельным человеком, здесь все далеко не однозначно. В поговорках часто выражается ирония в виде шутки, но прагматический ее смысл дает возможность относиться к ее поверхностному денотативному содержанию по-разному: *Я ли не молодец? У меня ли дети не воры? Или Краденая кобыла невпример дешевле купленной обойдется.* Многие поговорки обобщают горькие наблюдения индивида за миром людей и положением разных людей в обществе. С одной стороны, *Из трудов праведных не наживешь палат каменных; От работы не будешь богат, а будешь горбат; В аду не быть – богатства не нажить; Хуже всех бед, как (когда) денег нет.* Есть другая сторона явления: *Много трудился, а толку не добился; От работы и кони дохнут; Заработали чирый да болячку на третий горб.* Есть и прямая насмешка над человеком, который с чрезмерным усердием окунается в работу для честного и правильного способа жизнеобеспечения: *Принялся за дело, как вошь за тело.* Тем более, что *Работа не медведь (не волк), в лес не убежит,* то есть спешить погружаться в тяжелую работу не стоит, она нигде не денется, не лучше ли оглядеться, нет ли вокруг чего полегче ...

В поговорках отражается наблюдательный взгляд на общество человека как бы со стороны, и результат наблюдений за реалиями российского бытия в поговорках определен многообразно: *Кто чем торгует, тот тем и ворует.* К тому же, что немаловажно, *Вор на вора не доказчик.* В некоторых поговорках выражается прямое сомнение в обязательном возмездии ворами: *Грабежи есть, воровство есть, а воров нет,* а главное – *Сами (люди) воруют, а (да) нам не велят,* и уже этот факт сам по себе может поколебать нравственные позиции честного труженика. И об этом есть поговорки: *Лучше воровать, чем торговать; Воровство тоже (и то) ремесло.* Тем более, что Россия – великая страна, с огромной территорией, в ней всегда можно скрыться так, что никто не найдет: у нас *На каждого вора много простора* (впрочем, эту поговорку можно истолковать и как «существует большое разнообразие форм проявления и объектов воровства»). А в условиях распространенности воровства, а главное – фактической его безнаказанности, отточенный в поговорке вывод весьма примечателен: *Для чего ж не воровать, коли некому унять?* Но как не пострадать от воровства (занятие все же не безопасное!), с чего вообще надо начинать эту деятельность? На этот счет поговорки тоже имеются, в частности, некоторые прямо подсказывает программу действий: *Не учишь воровать, коли не умеешь концов прятать,* а также *Умеешь красть, умей и концы прятать (хоронить).*

Момент греха как несоблюдения христианской морали воровом, отраженный в поговорках, также не является препятствием для подобных занятий и не оказывается достаточным основанием для безусловного осуждения воровства. В поговорках оправдана и эта сторона отношения к воровству, если его совершать с «оглядкой на Бога» (как это ни парадоксально!): *Добрый вор без молитвы не украдет.* То есть, главное молитва, а не воровское действие, и это несмотря на то, что *Бог труды любит; Трудовой грош и пред Богом хорош* и т.п. В некоторых поговорках выражается прямое оправдание воровству соотносительно с моментом греха: *Грех воровать, да нельзя миновать.* Наконец, есть и такие поговорки, в которых объявляется своеобразное разрешение на воровство, хотя и избирательно, «разрешение» дается не всем, а некоторым: *Бедный и украдет, да его Бог прощает.* Прагматика разрешения воровать усилена формой несовершенного вида глагола *прощает* со значением неоднократного, повторяющегося действия, представления его как многократно и безусловно проверенного жизнью, практикой, что придает смысловому облику поговорки момент уверенности в обязательности именно таких действий Бога.

В итоге получается, что в поговорках отражен результат поиска индивидом компромисса между соблюдением общественной морали, буквой и духом официальных государственных законов, заповедей христианской морали и проблемой личной выгоды при выборе для себя жизненной позиции.

Впрочем, семантико-прагматическое разнообразие русских поговорок нельзя считать неоспоримым свидетельством в пользу той или иной положительной или отрицательной оценки народом в целом какого-либо социального порока, приписывая ему, например, такое качество, как терпимое отношение к воровству. Это было бы неправильно, поскольку при таком решении вопроса не учтена важнейшая особенность поговорок. Они, как было сказано выше, отражают не только всенародное миропонимание, но и индивидуальное, поэтому в поговорках можно найти выражения самого разного прагматического смысла. В их совокупном наборе наблюдается весьма широкий спектр выражения прагматики и оценок для любого поступка, явления жизни, свойства личности и качеств человека от самого положительного до самого от-

рицательного. Как писал В. И. Даль, «простой народ упорнее хранит и сберегает исконный быт свой, и в косности его есть и дурная, и хорошая сторона» [1, с. 7]. Действительно, в паремиях ничто не оценивается односторонне, каждое явление позиционируется с различных точек зрения. Паремии словно бы учитывают самые разные жизненные обстоятельства конкретного человека, обусловленные многообразием жизненных ситуаций. И даже явно отрицательное явление в народных паремиях может быть представлено в ореоле различной прагматики, поскольку оценочные смыслы паремий охватывают нравственные устои не только общества в целом, но и отдельных и очень разных по жизненным ценностям представителей этого общества, индивидов. Пословицы нацелены на «детальный разбор» причин и форм проявления репрезентированной в них жизненной ситуации, которая как бы предваряет итоговый вывод, рекомендуемый для использования в аналогичных практиках быта. Таким образом, в самой парадигматической группировке пословиц одной тематики просматривается противоречивость и парадоксальность ее состава как следствие неоднозначности оценок народной философией явлений действительности, а также как проявление народной терпимости и гуманности в объяснении человеческих пороков. И тем не менее, нельзя отрицать и того факта, что языковые средства русского языка, отражая генетическую память народа, не имеют односторонней прагматики категоричного и однозначного неприятия воровства как явления, не имеющего права входить в общенародную картину мира.

Список литературы

1. Даль В. И. Пословицы русского народа. В 2 т / Вступ. слово М. Шолохова. – М.: Художественная литература, 1984. – 476 с.

Список словарей

1. МАС-2 – Словарь русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. В 4 т. – М.: Русский язык, 1981 – 1984.
2. СРЯ XI-XVII – Словарь русского языка XI – XVII вв. – Вып. 1 – 28. – М.: Наука, 1975 – 2008.
3. Эсрря – Этимологический словарь современного русского языка / Сост. А. К. Шапошников. В 2 т. – М.: Флинта: Наука, 2010.

THE PRAGMATICS OF LARCENY CONCEPT IN RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

G. M. Shipitsina

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
Shipitsina@bsu.edu.ru*

The article analyzes the words and steady expressions in Russian, verbalizing concept "larceny". Pragmatic senses remained in genetic memory of the people and reflected in values of language units are defined in the paper. The language data investigated in the aspect, testifies that full condemnation of larceny in consciousness of the Russian people has not developed historically, therefore in the language picture of the world of the pragmatic concept "larceny" is expressed inconsistently.

Keywords: concept "larceny", semantics, pragmatic senses, a word "thief", proverbs, a context, genetic memory of the people.